

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**ЭКОНОМИКА
И МАТЕМАТИЧЕСКИЕ
МЕТОДЫ**

Том XXV

(ОТДЕЛЬНЫЙ ОТТИСК)

3

МОСКВА · 1989

Предлагаемая ниже статья принадлежит перу профессора Яноша Корнаи, действительного члена Академии наук Венгерской Народной Республики, хорошо известного читателям нашего журнала. Его статьи, посвященные самым острым проблемам экономической теории и экономической политики, неоднократно публиковались также на страницах нашего журнала. В этом ряду достойное место займет и данная статья.

Как и во всякой пионерной, постановочной работе, не все ее положения бесспорны. В частности, мы не можем согласиться с приводимым автором примером ГДР в рассматриваемом им контексте. Есть в статье и другие упрощения сложных проблем, дискуссионные положения. Однако сама попытка увязать политические права и свободы с экономическими реформами вызывает несомненный интерес, и редакция надеется на оживленное обсуждение этого круга проблем на страницах журнала.

Член-корреспондент АН СССР
В. Л. Макаров

ЛИЧНАЯ СВОБОДА И РЕФОРМА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ *

Корнаи Я.

(Венгрия)

1. ВВЕДЕНИЕ

Имеется обширная и постоянно увеличивающаяся литература о реформе социалистических экономик. Во всем мире стремительно возрастает интерес к тому, что два гиганта — первый Китай, а с недавних пор и Советский Союз последовали примеру двух первопроходцев, небольших стран — Югославии и Венгрии — в осуществлении начальных шагов по пути реформы.

При анализе процесса реформы в большинстве случаев принимается узко экономический или технологический взгляд на вещи и рассматриваются только такие вопросы, как эффективность, рост, материальное благосостояние и приспособление к мировому рынку.

В данной статье обсуждаются проблемы совсем иного рода. Они подканы моральной и политической философией и относятся к теме личной свободы. Основное заключается в следующем: какова взаимосвязь между реформой социалистической системы и свободой индивида?

Выбранная тематика отражает ценностные суждения. Я не собираюсь представлять здесь нормативную теорию; в статье фактически преобла-

От редакции. Данная статья представлена автором нашему журналу с разрешения журнала «European Economic Review» (1988, № 32, С. 233–267), где она опубликована впервые. Перевод с английского — Г. Ю. Трофимова.

* Несколько человек любезно внесли полезные предложения, позволившие улучшить данную статью, в частности Т. Бауэр, Дж. С. Берлинер, З. Даниель, М. Элман, Р. И. Габор, Д. Хаусман, З. Капитани, М. Лаки, Р. Нозик, А. Сен, А. Симоновиц и Й. У. Вейбулл. Особую благодарность автор выражает М. Ковач за ее помощь в исследованиях, а также Б. Маклин и С. Махта за помощь в улучшении английского перевода этой статьи. Автор признателен Венгерской академии наук, Институту экономики ВНР и Гарвардскому университету. Конечно же, ответственность за взгляды, выраженные в статье, целиком и полностью лежит на ее авторе.

дают позитивные, дескриптивные наблюдения. Тем не менее, мне хотелось бы с самого начала определить свое кредо. Я испытываю глубокое уважение к свободе человека, к его праву на самореализацию и на самостоятельный выбор образа жизни. В моей системе ценностей свобода личности является одним из основополагающих, первостепенных благ*. Я считаю, что значительное расширение экономических свобод является одним из главных достижений венгерской реформы. Аналогично я рассматриваю ее неудачу в дальнейшем продвижении в данном направлении как один из серьезнейших недостатков венгерской реформы. Цель этой статьи, в частности, состоит в установлении нового стандарта для оценки прогресса реформы и в том, чтобы применять его в сочетании с обычными измерителями эффективности. Это позволит осветить как успехи, так и неудачи венгерской реформы.

Выбор Венгрии вполне естествен; эту страну я знаю лучше других. Но я убежден, что вопросы, проблемы, идеи и отношения, обсуждаемые в статье, могут также использоваться для исследования опыта других социалистических стран. Поэтому, несмотря на то что Венгрия служит ярким примером, наблюдения и предположения имеют более общие основания.

Большая часть аудитории на Копенгагенском конгрессе, так же как и большая часть читателей Европейского экономического обозрения (European Economic Review), состоит из западных экономистов. И сама аудитория, и читатели не могут ожидать от данной статьи особой новизны в общих суждениях о свободе личности. В то же время им было бы интересно, что конкретно происходит в данном отношении в социалистической системе.

Я надеюсь, тем не менее, что статья станет также известна и в социалистических странах. Обсуждение свободы индивида подпадало под идеологическое табу в течение десятилетий; таким понятием, как «индивидуализм» или «либерализм», придавалось уничижительное значение. Но я убежден, что уважение к свободе личности не только совместимо с исходными целями многих проповедников социализма, но должно стать основополагающей составной частью всевозможных социалистических программ.

К теме свободы постоянно возвращаются в философии, экономической теории и политологии, и, пожалуй, ни один из вопросов, относящихся к ней, не был обойден в широких и часто пылких дискуссиях. Я не собираюсь заниматься какими бы то ни было исследованиями, касающимися хитросплетений современной аналитической философии. Эта статья останется на скромном, прагматическом, приземленном уровне и отразит, насколько это возможно, существующие жизненные реалии социалистической системы.

2. УТОЧНЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Даже в обычном словаре приводится несколько значений понятий либерализма и свободы, и потому неудивительно, что каждая философская школа применяет их различные интерпретации. Я не стремлюсь дать им исчерпывающую, всеохватывающую характеристику. Все, что нам требуется здесь, это частичная интерпретация, которая включает элементы сложной категории «свобода», относящиеся к контексту данной статьи. Надеюсь, никто не станет спорить с тем, что исследуемые ниже характерные признаки действительно являются составными частями свободы.

* Дж. Роулз [1, с. 440] проследивает связь свободы с высоким значением, придаваемым самоуважению, которое является «...возможно наиболее важным первичным благом... Оно включает чувство собственной значимости, прочную убежденность индивида в том, что его представление о своем благе, своих жизненных планах заслуживает реализации... Самоуважение предполагает уверенность в своих способностях, поскольку для выполнения собственных намерений необходимы собственные усилия... Без этого ничто не может казаться заслуживающим усилий... мы погружаемся в апатию и цинизм».

Эта статья затрагивает только свободу индивида. Какими бы важными ни были свободы сообществ (имеются в виду свободы фирм, ассоциаций, городов и народностей), они здесь не будут обсуждаться. Основным предметом исследования станут экономические свободы, или, другими словами, права человека на свободное распоряжение своим богатством, доходом, временем и усилиями. Политические или интеллектуальные свободы не изучаются, и обсуждение будет ограничено только экономическими аспектами свободы, хотя мы отдаем себе полный отчет в существовании сильной взаимозависимости политических, интеллектуальных и экономических свобод*.

Свобода имеет инструментальное значение, она помогает индивиду в его выборе между альтернативными действиями. Кроме того, автор согласен со всеми, кто придает важное самостоятельное значение экономической свободе индивида как ценности, на которую он имеет право.

Это суждение должно быть особенно понятным в контексте обсуждения социалистических экономик. Даже если патерналистское государство должно наделить меня тем же самым набором предметов потребления, который бы я свободно выбрал из множества альтернативных наборов, это для меня было бы не одно и то же. Возможность сделать свой собственный выбор, свободно и без какого-либо вмешательства, имеет для меня самостоятельное значение. К тому же в большинстве случаев в результате патерналистских вмешательств происходят существенные отклонения от уровня, соответствующего автономному выбору индивида**. Что касается патернализма, то я согласен со словами И. Берлина [11]: «Если сущность людей состоит в том, что они автономные существа — творцы собственных ценностей и результатов, чья власть состоит только лишь в свободном волеизъявлении, то нет ничего хуже, чем обращение с ними как с несамостоятельными неодушевленными объектами, ... выбором которых могут манипулировать их правители... „Никто не может принудить меня быть счастливым в своем понимании“, — говорил Кант. — Патернализм является величайшей из деспотий, какую только можно себе вообразить... Патернализм деспотичен, но не потому, что он более тягостен, чем явная, грубая, непросвещенная тирания, ... а потому, что он оскорбителен в моем восприятии себя как человеческого существа».

Если мы придаем самостоятельную ценность индивидуальной экономической свободе, то мы не должны рассматривать ее только как средство для обеспечения благосостояния или полезности. Я осознаю, что против этого могут быть выдвинуты методологические возражения со стороны тех, кто придерживается строго монистического взгляда. Рассматривая особенности первичных моральных принципов, несоизмеримых по своей сути, я предпочитаю плюралистическую теоретическую систему, которая допускает потенциальные конфликты и соглашения***. «Гамлет» мог бы

* Налицо все более серьезное осознание этих взаимосвязей у венгерских авторов, в частности среди политологов и социологов, а в последнее время также и в статьях экономистов, защищающих радикальную реформу. Особое внимание венгерских ученых было привлечено к данному вопросу в связи с публикацией сборника поздних статей И. Бибо (1986), воспроизводящих его эссе «Принуждение, закон, свобода» (1935) [2]. Из более новой литературы хотелось бы указать на замечательные работы [3–8]. Выдающийся вклад в философию политики и морали внес Дж. Кисс [9], его исследование посвящено анализу теоретических основ прав человека. К сожалению, большая часть этой литературы пока еще нет в Англии.

** По удачному выражению А. Фехера, А. Хеллера и Г. Маркуса [10], это называется «диктатурой над нуждами».

*** Более подробная теоретическая аргументация против примитивного монистического подхода имеется у А. Сена [12], особенно в главах о плюрализме и несовершенстве, и о плюрализме, благополучии и деятельности. Сен объясняет, что в определенных случаях может быть установлено лишь частичное упорядочение альтернатив, связанное с первичными моральными принципами. Может иметь место «догматическое несовершенство» этого упорядочения. Согласно такому пониманию, не существует дополнительного морального критерия, который мог бы использоваться для ранжирования неупорядоченных пар с точки зрения моральных качеств. Разумный нравственный выбор требует от нас отказа от предпочтения — намеренного или за недостатком других возможностей — альтернативы, которая кажется нам уступающей в моральном плане другой допустимой альтернативе. Но он не требует того, чтобы выбранная альтернатива представлялась нам «наилучшей» на данном мно-

на самом деле быть очень короткой историей, и все сомнения ее главного героя были бы лишними, если бы он прямо формулировал и решал простую задачу максимизации полезности.

Далее будут обсуждаться противоречивые этические ценности. Несмотря на методологические различия, идеи статьи, конечно же, могут быть транспонированы в монистическую систему. Но кто бы этого ни хотел, он должен выбрать и адекватно обосновать свое единственное, основное, первичное благо. Это может быть свобода в самом широком понимании. В таком случае благосостояние должно быть всего лишь одной из ее компонент. Или это может быть полезность. Тогда саму свободу необходимо включить в аргументы функции полезности*.

Мы не будем стремиться к полному анализу, охватывающему все аспекты индивидуальной экономической свободы в социалистической экономике. Вместо этого выделим два важных класса ограничений на свободу выбора и отвлечемся от многих других ограничений, как бы они ни казались уместны.

К первому из обсуждаемых классов относятся бюрократические ограничения. В эту категорию мы включаем как официальные, узаконенные правила или запреты, так и неофициальные императивы, усиливаемые давлением или угрозами, которыми бюрократия воздействует на индивида. Чтобы более четко представить себе природу бюрократических ограничений, имеет смысл исследовать эффект от их изменения. Какие изменения в этих ограничениях способствуют увеличению свободы? Приведем несколько примеров ситуаций, перечень которых, конечно же, не является исчерпывающим.

Свобода растет, когда право принятия некоторых решений переходит от бюрократии к индивиду: например, когда принудительное направление выпускника после окончания учебного заведения на работу заменяется ему правом самостоятельного выбора своей первой работы.

Свобода его расширяется, если бюрократическое ограничение на решения индивида снимается. Например, предположим, что работник имеет право заявить об уходе с работы и начать поиски другого места, но чтобы действительно уйти, ему необходимо получить согласие руководства; он становится свободнее, если можно обойтись без этого.

Свобода увеличивается, когда бюрократическое ограничение становится менее строгим: например, если установленный в административном порядке максимум числа лиц наемного труда, работающих на частном предприятии, поднимается с трех до девяти человек.

Свобода в смысле отсутствия ограничений, устанавливаемых другим индивидом, их группой или государством, часто называется «негативной свободой»**. В соответствии с таким толкованием устранение или ослабление бюрократических ограничений несомненно увеличивает негативную свободу.

В социалистическом движении существует странная традиция принижения значения негативной свободы. В этой традиции принято обращать внимание на пустоту формальных, «буржуазных» прав, например напоминаниями о равной свободе богатых и бедных спать под мостом. Согласно такой точке зрения, только «позитивная свобода» имеет значение, т. е. человек должен иметь возможность делать то, что он желает. Как бы ни было велико значение позитивной свободы, вопрос о негативной свободе, играющей чрезвычайно важную роль в жизни индивида, не может быть снят по мановению руки. Между прочим, право свободного выбора места ночлега не является общепризнанным, и мы не должны рассматривать его как очевидное. Были времена, когда граждане некоторых жестве допустимых альтернатив, так как в условиях несовершенства нашего упорядочения моральных принципов лучшей альтернативы может вообще не быть [12, с. 180—181].

* Дальнейшая критика чрезмерно упрощенных концепций благосостояния и обсуждение моральных теорий в экономике имеется в статье [13], представленной на Копенгагенской встрече.

** О различных между позитивной и негативной свободой см. в [11; 14; 15, особенно с. 109—135; 16, с. 133—134].

социалистических стран не могли путешествовать без письменного разрешения государственных органов; они должны были немедленно ставить в известность полицию, если собирались провести более чем одну или две ночи вне их места постоянной прописки. Мы вернемся к этому вопросу и к другим аспектам негативной свободы в последующем обсуждении венгерской ситуации.

Другой класс ограничений, на котором хотелось бы сосредоточить внимание, включает ограничения выбора, налагаемые дефицитом. Вероятно, справедливо отметить, что мы имеем дело с вопросом, касающимся позитивной свободы. Ее общепринятое понятие относится к возможностям индивида: его свобода увеличивается, когда расширяются его средства для достижения целей. Это общее понятие приводит к некоторым более специфическим идеям в наших рассуждениях. Представим себе мысленный эксперимент со свободной ассоциацией понятий. Первыми словами, которые придут в голову западного экономиста, характеризующего понятие позитивной свободы, по-видимому, будут: доход, богатство, капитал — как физический, так и человеческий. Эти явные компоненты возможностей индивида и пределы их доступности сковывают его свободу выбора. Используя метафору витрины, демонстрирующей разнообразие товаров, можно сказать, что эта витрина бесполезна для того, у кого не хватает дохода или богатства, чтобы купить выставленные на ней товары.

Если аналогичный эксперимент со свободной ассоциацией понятий провести в Восточной Европе, то реакция восточного экономиста будет совершенно иной. Конечно, он подумает о нищете и низком уровне развития, а также о ресурсах, подобных доходу и подходящих к его ситуации. Но, несомненно, и другая ассоциация мелькнет в его голове. Несмотря на четко сформулированный спрос и обеспеченность его денежным доходом, индивид может и не суметь достать желаемый товар при существующей цене или, на самом деле, при любой цене. Это не меньшее препятствие в реализации его целей, чем ограниченность его бюджета.

Первый тип ограничения на позитивную свободу является общим; мы можем обнаружить его во всех системах, включая социалистическую (хотя, конечно, параметры распределения варьируют от страны к стране по многим причинам). Второй тип ограничения в большей мере связан со спецификой системы, и это заставляет уделить ему особое внимание в данной статье. Мы говорим не о спорадическом и случайном избыточном спросе, но об экономике, в которой дефицит — хронический и вызван действием систематических факторов*. Явления дефицита возникают время от времени во всех системах, однако в «экономике дефицита» они крайне часты, охватывают все ее секторы и, кроме того, приводят к напряженности и раздражению.

Для описания ситуации, типичной в экономике дефицита, я ввел понятие «вынужденное замещение», чтобы подчеркнуть его контраст по отношению к «добровольному замещению». Последнее возможно при условии свободного выбора: индивид замещает товар *B* товаром *A* потому, что изменяются его вкусы или относительные цены. В случае вынужденного замещения он должен был бы отдать предпочтение товару *A* перед товаром *B* при существующих ценах, но он не имеет иного выбора, кроме как заменить *A* на *B*, поскольку предложение *A* недостаточно. В одних случаях вынужденное замещение вызывает лишь маленькие неудобства. В других оно приводит к серьезным и продолжительным трудностям, например для людей, которые должны против своей воли жить десятилетиями или даже всю жизнь в коммунальных квартирах, или годами ожидать установления телефона, даже если они больные, недвижимые или крайне нуждаются в телефоне по другим причинам. Жертвы дефицита страдают от унижений, они находятся во власти продавца и бюрократа**.

* Более подробный анализ причин и последствий синдрома дефицита имеется в книге автора «Экономика дефицита» (1980).

** А. Линдбек в своей Шумпетеровской лекции [17] говорит об ущербе, наносимом потребителю препятствиями к улучшению его потребительского набора, вызванными рacionamento или правительственными постановлениями. Понятие «рационирование» обычно интерпретируется в узком смысле как введение карточек или

Можно догадаться, что индивиду безразлично наличие даже тех товаров, которые он не выбирает непосредственно в данный момент. Чем шире их ассортимент, тем больше альтернатив, и, следовательно, тем надежнее доступность товаров, пользующихся спросом, тем сильнее уверенность покупателя в том, что это — настоящий, свободный выбор. Наличие у свободы самостоятельной ценности в данном случае означает, что ситуация, в которой выбирается товар C , в то время как оба — C и D — имеются в наличии, не эквивалентна ситуации, в которой выбирается C только потому, что это единственная возможность. В последнем случае человек лишается элементарного права свободного выбора; он теряет нечто, представляющее ценность, хотя и не несет потерь в «благополучии» или «полезности», поскольку C так или иначе оказывается предпочтительнее D .

Мы можем, таким образом, сделать вывод, что экономическая свобода индивида возрастает по мере того, как напряженность и частота явлений дефицита уменьшаются и потребитель получает большие возможности для выбора. Эта зависимость является более непосредственной и более сильной, если изменение к лучшему перестает быть временным, но становится постоянным в качестве результата реформы экономического механизма.

Два указанных набора ограничений на свободу, которые будут в центре нашего обсуждения, а именно бюрократические ограничения и сокращение возможности выбора из-за хронического дефицита, взаимосвязаны. Бюрократическое управление представляет собой один из факторов, которыми объясняется возникновение дефицита; последний вызывает необходимость бюрократического рациионирования. Однако эти два набора совпадают лишь частично, и, таким образом, в целях анализа их полезно рассматривать отдельно.

Отсюда следует, что в нашей понятийной системе свобода — это многомерная категория. Все ограничения на экономическую свободу индивида, о которых говорилось до сих пор, могут быть наблюдаемы. Их можно представить либо бинарным индикатором (отражающим наличие или отсутствие определенного ограничения), либо порядковой шкалой, например от нуля до единицы (показывающей строгость ограничения)*. Каждый индикатор представляет особое вполне определенное измерение свободы, которая при таком подходе уже не является неощутимой метафизической сущностью. Свободны ли граждане Венгрии относительно их экономических действий? На этот вопрос невозможно просто ответить «да» или «нет». Однако могут быть даны осмысленные ответы для каждого типа ограничений, относящихся к нашему исследованию и учитывающих уровень свободы или ее недостаток по каждому частному измерению.

3. МЕРИЛА СВОБОДЫ: МИНИМАЛЬНОЕ И МАКСИМАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Чтобы оценить изменения уровня индивидуальной свободы, необходимы измерители. При рассмотрении ограничений свободы в частнопредпринимательской рыночной экономике в качестве исходного пункта может быть взято «естественное государство» Локка, т. е. такое, в котором индивиды живут в состоянии полной анархии**.

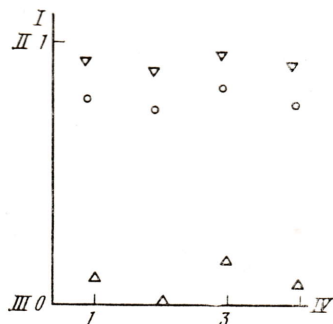
других форм бюрократического распределения. В современном анализе неравновесия любой вид процедур распределения, используемых в дефицитной части рынка, называется рациионированием, включая образование очередей или даже полностью случайный поиск. Ограничения, накладываемые дефицитом на свободный выбор, проявляются во всех видах рациионирования.

* Возможно, небезнадежной была бы попытка разработать структурные индексы индивидуальной экономической свободы, основанные на нескольких наблюдаемых, частных индикаторах свободы, аналогично тому, как вычисляется комбинированный измеритель умственных способностей человека или экономических подъемов и спадов.

** См. [18].

На рис. 1 имеется вертикальная ось, изображающая степень государственного контроля в сферах № 1, 2, 3, ... Полная анархия или нулевой уровень не являются жизнеспособными. По мере движения вверх от нуля достигаются точки (обозначенные Δ), отображающие состояние, которое называется специалистами по политической философии «минимальным» государством или государством «ночного сторожа». Роль государства сводится к защите граждан от насилия и воровства и обеспечению выполне-

Рис. 1. Измерители: от полной анархии к полному государственному контролю; ∇ — максимальное государство; \circ — фактическое государство; Δ — минимальное государство*; I — показатель государственного контроля; II — полный государственный контроль; III — полная анархия; IV — экономические сферы

* Эта диаграмма — только простая иллюстрация положений, сформулированных в тексте. Для наших рассуждений не требуется предположения о полной сопоставимости различных сфер экономики

ния добровольных соглашений*. (Ради простоты мы здесь не учитываем роль государства во внешних делах.) Всякая дополнительная деятельность государства, включая мероприятия по справедливому перераспределению и предложение общественных благ, выходит за рамки минимального государства.

Обратимся к верхней части оси, где первый уровень соответствует полному государственному контролю над всеми сферами экономики, такому, при котором нет места частной инициативе или частному выбору**. Эта оруэлловская ситуация является целиком гипотетической и не имеет какого-либо исторического прецедента; она никогда не существовала. В противоположность понятию минимального государства введем новое, а именно *максимальное* государство (изображенное символом ∇ на рис. 1)***. Ему соответствует более низкий уровень «этатизации»****, чем крайней верхней точке шкалы, т. е. точке всеобъемлющего государственного контроля. Максимальное государство — не абстрактно-теоретическое, а историческое понятие; это предельно возможный уровень бюрократической власти, осуществимость которого зависит от практических условий для усиления централизации. К таким условиям относятся технология сбора и обработки информации и связи между должностными лицами в бюрократической иерархии; организационные возможности бюрократии; умение манипулировать массами; максимальные пределы допустимости репрессий и т. д. Таким образом, максимальное государство в силу необходимости разрешает некоторые незначительные уступки в отношении личной свободы; одной из характерных уступок является ограниченная степень индивидуального выбора потребительских товаров на рынке. Подобные соглашения допускаются, но лишь условно, с постоянными оговорками насчет того, что последующие шаги в направлении полного го-

* Р. Нозик [19] ввел понятие «ультраминимального» государства, полностью свободного от каких бы то ни было перераспределительных функций, в отличие от классического определения минимального государства, в котором подразумевается некоторая степень недобровольного перераспределения; т. е. даже те индивиды, которые не желают протекции, получают ее и платят за нее.

** Драма «Трагедия Человека» венгерского писателя XIX в. Имре Мадаха дает пророческую, антиутопическую картину общества, называемого Фаланстером (это название было заимствовано из работы знаменитого утопического социалиста Фурье). Тут каждый выполняет принудительную, предписанную ему работу и обязан трудиться в коллективном хозяйстве. Платон — пастух, Лютер — истопник, а Микеланджело — столяр-краснодеревщик, вырезающий ножки стульев (см. [20, с. 127–145]).

*** Здесь и далее мы не обсуждаем отдельно роль партии. Партия функционирует в тесном переплетении с государственными органами, являясь доминирующей силой. Повсюду в этой статье такими понятиями, как «государство», «правительство» и «бюрократия», охватывают также учреждения партии.

**** Практика и идеология «этатизма» анализируются в [21].

сударственного контроля будут настолько решительными, насколько они вообще допустимы.

Обращаясь к истории, мы обнаруживаем, что все социалистические страны близко подошли к состоянию максимального государства, по крайней мере на каком-то этапе их развития, — Советский Союз после коллективизации сельского хозяйства при Сталине, Китай после организации коммун при Мао, а страны Восточной Европы в течение 1949—1953 гг. В каждой из стран разные сферы экономики существенно отличаются друг от друга в зависимости от того, насколько они приблизились к максимальному состоянию в периоды наибольшей этатизации. В данной статье нет места для тщательного исследования подробностей; однако с некоторой степенью упрощения, необходимой для общего анализа, можно сказать, что максимальное государство было исторически отправной точкой реформ в социалистических странах. И как следствие этих реформ, более низкая степень централизации управления при существующем положении (ноль на рис. 1), чем в условиях максимального государства.

Для ученых и политиков, обсуждающих проблемы государства благосостояния, вполне естественны размышления над вопросом: как близко или как далеко они от минимального государства и насколько близко к нему они должны находиться. Для ученых и политиков, рассматривающих проблемы реформ в социалистических странах, не менее естественна диаметрально противоположная постановка вопроса: как близко или как далеко они от максимального состояния и насколько близко они должны быть к нему.

4. ИЗМЕНЕНИЯ В ВЕНГРИИ

Итак, мы переходим к обзору изменений в Венгрии. У нас нет возможности полностью проследить ход реформ во времени. Поэтому сопоставим два конкретных периода: начало 50-х годов — пик бюрократической централизации в большинстве сфер (хотя и не во всех) и наибольшей близости к максимальному государству в нашем понимании, а также нынешний, начавшийся в середине 80-х годов, который мы будем называть периодом «реформируемого государства».

Все наблюдения представим в сжатой и упрощенной форме; их качественный анализ не опирается на данные статистики*. Кроме того, по каждому пункту можно было бы добавить ради уточнения множество оговорок, однако из-за недостатка места не будем углубляться в подробности**.

Некоторые реформы были направлены на решительные исправления венгерского права и имели результатом отмену старого законодательства и введение новых законов. Другие, не менее важные изменения, явились следствием не открыто декларированных новых правил, а просто ослабления давления старых законов и правительственных директив. Государство не только отступило, но и «смягчилось» — это обстоятельство открыло двери частной инициативе и предприимчивости, а также для добровольных частных контрактов, заключающихся нередко на грани законной и незаконной деятельности, которую часто называют вторичной экономикой. Эти результаты были неотделимы от таких побочных эффектов, как ослабление уважения к закону и вялость в отношениях к мошенничеству и коррупции. Ниже постараемся выяснить, какие изменения санкционированы официально, а какие возникли неофициально, в результате «смягчения» государственного управления, хотя мы и не всегда сможем провести четкое разграничение между ними.

* Эти данные доступны, однако они описывают ситуацию в мелких подробностях, тогда как мы имеем дело с явлениями, для которых характеризующие их показатели не могут быть построены простым суммированием.

** Интересующиеся могут найти более тщательное исследование венгерской реформы в моей статье [22], в которой предлагаются некоторые статистические данные и большая библиография для тех, кому нужны дополнительные подробности и количественная информация.

4.1. Собственность и предпринимательство

В максимальном государстве почти все люди, получающие заработную плату или оклады, должны быть трудоустроены государством. За несколькими исключениями имеется только один способ для вертикальных передвижений в обществе, и это — карьера в рамках бюрократической иерархии.

В Венгрии существуют кооперативы, особенно в сельском хозяйстве и сфере городских услуг, однако они выросли не из настоящего, добровольного кооперативного движения. По своему характеру они мало отличались от аналогичных предприятий в государственном секторе: их руководители всегда назначались *de facto* бюрократией, и они должны были выполнять обязательные плановые задания. К тому же численность ремесленников-индивидуалов была практически ничтожной, а из них лишь совсем немногие когда-либо использовали наемный труд, как правило в количестве, не более одного занятого. На самом деле периоду реформы предшествовало появление теневой экономики, проявления которой были крайне спорадическими из-за слишком большого риска подвергнуться преследованиям.

Наиболее заметным и, на наш взгляд, наиболее важным изменением стало развитие значительного частного сектора. Этот сектор действует в различных формах, из которых мы укажем лишь наиболее важные.

i. Небольшой семейный бизнес: здесь мы обнаруживаем ремесленников, торговцев, собственников авторемонтных мастерских и т. п. Сейчас они получают лицензии от властей и им разрешено нанимать ограниченное количество работников.

ii. Небольшое семейное фермерство: мы видим, что в этом секторе семья только часть времени проводит на своей ферме, тогда как один или более членов семьи обычно работают в сельскохозяйственном кооперативе или на государственном сельхозпредприятии, или в других секторах экономики.

iii. Частные «деловые товарищества»: они должны иметь официальные лицензии и могут заниматься мелким или средним бизнесом. Их члены являются собственниками, сформировавшими товарищество, в котором они принимают совместное трудовое участие.

iv. Работающие не по найму, независимые индивиды; работающие неполный рабочий день и надомники, служащие в больших компаниях: значительная их доля занята во вторичной экономике.

Невозможно оценить общие размеры официального и неофициального частного сектора, поскольку большая его часть, очевидно, не зарегистрирована. По самым приближенным предположениям, им производится от одной пятой до одной четверти суммарного национального продукта. По крайней мере, три четверти всех венгерских семей вносят какой-то вклад во вторичную экономику. Кроме того, наибольшая значимость данного фактора заключается не в фактических размерах производства, а, как уже указывалось, в возможности, представленной одним лишь существованием значительного частного сектора. До реформы имелся в конечном счете только один работодатель — государство, и потому работе в государственном секторе не было осмысленной альтернативы. Сегодня, даже при том, что для огромного большинства людей государство остается работодателем, они имеют больше свободы с учетом простого факта, что существует выбор при уходе с работы. При желании они могут начать заниматься частным бизнесом или поэкспериментировать с работой не по найму, или стать работниками в сфере частного бизнеса. Другими словами, несмотря на всеохватывающее присутствие государства, его монополия занятости оказалась разрушена. Тем самым индивид стал более независимым, и, несмотря на многие ограничения, он все же может быть сам себе хозяином. Осознание этого ощущения характеризует изменение исторической важности.

Для тех, кто энергичен и одарен, теперь имеется не один, а два пути в жизни. Как и раньше, они всегда могут сделать выбор в пользу карьеры

в бюрократической иерархии, но сейчас появилось и другое направление: можно выбрать предпринимательскую деятельность. Многие индивиды предпочитают вторую возможность, потому что им более по душе брать на себя ответственность в своих собственных делах, и они пользуются независимостью и возможностью рисковать в условиях рынка*. Более того, они нередко могут заработать намного больше тех, кто находится на самых высоких государственных постах, если только они умелые и им улыбнется удача. Поражает картина возрождения настоящих предпринимателей после нескольких десятилетий, когда такие качества личности были почти полностью под запретом. Это люди, которые поистине в шумпетеровском смысле вводят инновации, создают новые продукты, открывают рынки и основывают новые организации.

Но частная деятельность все еще сильно сдерживается множеством бюрократических уздечек: административным лицензированием, произвольными изменениями в налогообложении и препятствиями в доступе к земле, зданиям, материалам, кредиту и иностранной валюте. Имеются ограничения сверху на численность привлекаемых работников: постоянный персонал не может превышать девять человек (в торговле — двенадцать), включая членов семьи. Эти ограничения можно обойти, например, нанимая больше временных, чем постоянных работников, однако частные предприниматели совершенно справедливо ощущают, что у них нет никакой возможности стать «большими капиталистами». Кроме того, и это, по-видимому, наиболее важное ограничение, малый частный бизнес действует в атмосфере неопределенности и недостаточной безопасности, без соответствующих прав собственности и без защиты от непредсказуемого бюрократического вмешательства.

Сделав небольшое отступление, посмотрим на проблему под углом зрения морали и политики**. Необходимо, чтобы все ограничения, налагаемые государством, не были мотивированы надуманными этическими соображениями, например, представлениями о желательном характере распределения или допустимых пределах неравенства. Что действительно имеет значение, так это позволительность или скорее непозволительность определенного образа действий, а именно «капиталистического отношения между частным дельцом и большим количеством работников», приводящего к установлению определенных прав на доход. Богатый бизнесмен может при желании потратить свой доход на предметы роскоши. Однако ему не разрешается большой частный бизнес, даже если он сам и его будущие работники хотят заключить добровольное трудовое соглашение. По нашему мнению, при этом серьезным образом урезается свобода выбора ради того, чтобы воспрепятствовать развитию методов и институтов капиталистического типа.

Резюмируя, можно сказать, что реформируемое государство представляет собой любопытное и противоречивое сочетание государства «ночного сторожа», которое охраняет общественную безопасность и частную собственность, и «революционной организации», ограничивающей права собственности или в некоторых случаях допускающей в известных пределах частную собственность.

4.2. Выбор профессии, места службы и времени работы

Эти вопросы были частично затронуты в предыдущем подразделе при обсуждении государственного и частного секторов, однако имеется довольно много других проблем, заслуживающих дальнейшего исследования. Их обзор представлен здесь (а также в подразделах 4.3 и 4.4) в форме таблиц.

Ситуация не была совершенно одинаковой ни относительно времени, ни в различных секторах экономики. Чтобы контрасты стали отчетливее, мы выделили самые крайние ситуации (которые ни в коей мере не были

* Об этих двух типах вертикальной мобильности и о предпринимательстве в венгерской деревне см. [22—25].

** См. [19, см. особенно гл. 7 и 8; 26].

Выбор профессии, места службы и времени работы

Проблема выбора	Максимальное государство, начало 50-х годов		Реформируемое государство, середина 80-х годов	
	Государственный контроль (в пике бюрократической централизации)	Сфера, остающаяся для индивидуального выбора	Личная свобода (в пике децентрализации)	Сохраняющиеся бюрократические ограничения
1. Выбор среднего и высшего образования	Сильное бюрократическое влияние на выбор в том, что касается поступления. Число претендентов значительно превышает возможности учебных заведений. Жесткий отбор, приоритеты в соответствии с политическим критерием. Там, где структуры потребности в образовании и в трудовых ресурсах расходятся, претенденты на высшее образование перераспределяются, исходя из потребностей производства	В рамках бюрократических ограничений некоторые (но не все) индивиды способны влиять на решения, касающиеся их образования	Личная свобода выбора в отношении поступления	Сохраняется спрос на получение среднего и особенно высшего образования. Многие претенденты не принимаются. Нередки бюрократические назначения по определенным профессиям в процессе обучения. Структура услуг образовательного характера не приспосабливается к спросу
2. Выбор первой работы по окончании учебы	Принудительное назначение	Некоторое влияние на назначение	Свободный выбор	Никаких
3. Перемена работы	Не допускается без согласия начальства. Суровые наказания за «произвольный» уход с работы. Принудительные перемещения, если они необходимы, по мнению руководства. Принудительное использование «обмена работниками» в устанавливаемых перемещениях с одной работы на другую	Работник может проявить инициативу для перехода по собственному желанию и в некоторых случаях повлиять на решение	Нет формальных административных ограничений на перемену работ	Бюрократическое давление на перемену работ может применяться в отношении тех профессий, для которых количество рабочих мест невелико
4. Увеличение времени работы	Бюрократическое давление на работника из-за сверхурочных часов работы, необходимых предприятию. В остальных случаях, как правило, запрещено	Незначительные возможности для попыток увеличить рабочее время за дополнительную оплату	Больше гибкости в соглашениях о сверхурочных работах. «Деловые рабочие товарищества на предприятиях» (сокращенно ВГМК), новым образом дающий возможность вы-	Некоторые бюрократические ограничения на «регулярные» сверхурочные часы работы. Много ограничений на деятельность ВГМК

Таблица 1 (продолжение)

Проблема выбора	Максимальное государство, начало 50-х годов		Реформируемое государство, середина 80-х годов	
	Государственный контроль (в пике бюрократической централизации)	Сфера, остающаяся для индивидуального выбора	Личная свобода (в пике децентрализации)	Сохраняющиеся бюрократические ограничения
5. Работа за границей	Совсем не по- зволяется	Не существует	Возможна полнять дополнительную работу за более высокую оплату в рамках компании	Требуется разрешение на работу от венгерских властей. Обязательное возвращение государству предписанного процента от иностранных заработков

малозначащими исключениями, но скорее были ситуациями, типичными для определенного времени и, по крайней мере, для одного значительного сектора). Используем тот же вариант отбора в таблицах.

Таблица 1 охватывает только государственный сектор. Она не требует пояснений, и мы прокомментируем только строку 4, имея в виду информацию подраздела 4.1, касающуюся частного сектора, и используя ее наряду с данными о государственном секторе в табл. 1. В максимальном государстве индивидуальные права выбора в классической ситуации — между увеличением работы (с целью повышения дохода) и увеличением свободного времени — были сильно ограничены. Труд в смысле регулярной работы был обязательным по закону, допускались лишь точно указанные исключения в связи с состоянием здоровья, материнством и т. п. Те, кто не подчинялся, объявлялись «паразитами» и подвергались судебному преследованию. Работника могли заставить отрабатывать сверхурочно, но если сверхурочная работа не требовалась его начальству, он не мог найти (а в действительности он и не имел права искать) другие способы повысить заработок. Положение радикально изменилось в реформируемом государстве. С одной стороны, теперь индивидам разрешается не иметь регулярной работы. Хотя старый закон, обязывающий работать, остается в силе, он не применяется последовательно и нарушения в значительной степени игнорируются. С другой, люди сейчас могут по желанию трудиться гораздо больше, чем это предписано узаконенным 40-часовым минимумом, и они часто работают на двух или даже трех местах. Выполняют ряд случайных работ, трудясь частично в основной, а частично во вторичной экономике. Согласно некоторым оценкам, по крайней мере половина взрослого населения работает более 60 часов в неделю, не считая домашнего хозяйства, а меньшая часть населения занята даже больше — 80 или 100 часов в неделю. Вследствие этого многие венгры физически переутомлены от чрезмерной работы. Но когда речь идет о свободе личного выбора между трудом и отдыхом, она расширяется в огромных масштабах*.

* В ходе опроса общественного мнения в 1986 г. группе людей был задан следующий вопрос: «Что вы делаете, когда ваш реальный доход снижается?». 42% ответили так: «Мы уменьшаем расходы»; 41% — «Мы увеличиваем время работы и больше зарабатываем». Источником этих и некоторых других данных, используемых далее, является меморандум [27], обобщающий некоторые результаты Исследовательского центра массовых коммуникаций (Будапешт). Ощутимая помощь составителей этого меморандума и поддержка Исследовательского центра заслуживают благодарного признания.

4.3. Потребительский выбор *

Изменения представлены в табл. 2, которая не является всеобъемлющей, так как охватывает лишь наиболее представительные секторы экономики. Необходимо сделать несколько замечаний по поводу этой таблицы, в частности строк 3 и 5. В соответствии с основными идеями социалистических преобразований жилье и медицинская помощь представляются собой первичные потребности, которые должны удовлетворяться государством. Каждый гражданин имеет на это право, и поэтому плата за жилье намного ниже уровня рыночных цен, а медицинская помощь — бесплатна. Однако индивид не может оказать влияние на количество ресурсов, используемых в данных секторах, поскольку бюрократия всецело решает вопросы их распределения. Фактически этим важнейшим потребностям не уделяется особого внимания, приоритеты скорее отдаются другим секторам и прежде всего тем, которые, по мнению плановиков, оказывают непосредственное воздействие на экономический рост. К обеспечению жильем и здравоохранению сохраняется устойчивое пренебрежительное отношение, а их доля в общих инвестициях намного ниже, чем в рыночных экономиках. Централизация распределения ресурсов допускает подавление потребительских приоритетов.

Реформа повлекла за собой благотворные изменения, связанные с усилением влияния потребительского спроса, но эти изменения не были гладкими или безболезненными. После десятилетий пренебрежения к нуждам трудящихся основной груз забот о жилье был возвращен семьям. Гражданин, нуждающийся в жилье, оказался в глубоком затруднении. Не хватает кредита, и нет хорошо развитой системы мелкого и среднего подряда, позволяющей быстро и надежно строить частные дома. Под давлением дефицита и высоких цен многие семьи были вынуждены строить дома по методу «сделай сам» с помощью родственников, друзей и вторичной экономики за счет огромных потерь денег и времени. Некоторые семьи просто не имеют возможности совладать с этим обременительным процессом и не могут найти выход из положения, в котором они оказались между недостаточным предложением общественного и невыносимой дороговизной частного жилья. Все же многие ощущают, что ситуация улучшилась, потому что они по крайней мере имеют ясное представление о том, как взяться за решение своей жилищной проблемы.

Медицинское обслуживание — это нечто вроде порочной комбинации бюрократического рacionamento и завуалированной коммерческой деятельности. Один лишь факт, что медицинская помощь для всех является бесплатной, не удовлетворяет пациентов, так как качество услуг часто ниже всяких стандартов. Кроме того, имеются очень серьезные недостатки среди врачей и медицинского персонала. Все более настоятельные жалобы общественности вынудили плановиков распределять больше ресурсов в сектор здравоохранения. Широкое распространение «чаевых» — это своеобразный сигнал готовности многих людей непосредственно тратить деньги на свое здоровье в надежде получить больше заботы и внимания. Однако институциональная и экономическая структуры, отвечающие потребностям граждан в медицинской помощи, еще только должны быть созданы.

Необходимо обратить внимание на строку 7 табл. 2, а также на строку 5 табл. 1, отражающие право на перемещения и на работу за границей. Число венгерских туристов, путешествующих по несоциалистическим странам в частном порядке, увеличивается из года в год. Оно возросло с 22 тыс. в 1958 г. до 655 тыс. в 1985 [27, 28] (из общего населения страны в 10,6 млн.). Количество туристов, путешествующих по социалистическим странам, во много раз больше. Несмотря на сохраняю-

* Из-за недостатка места мы не рассматриваем очень важный аспект: механизм взаимодействия потребительского спроса и производства. С этой целью необходимо тщательно изучить действия ценовой и налоговой систем, стимулирование компаний и т. д. Данные вопросы могли бы быть темой отдельной статьи.

Потребительский выбор: товары и услуги

Товар или услуга	Максимальное государство, начало 50-х годов		Реформируемое государство, середина 80-х годов	
	Государственный контроль и ограничения, обусловленные дефицитом (в пике бюрократической централизации)	Сфера, остающаяся для индивидуального выбора	Личная свобода (в пике децентрализации)	Сохраняющиеся бюрократические ограничения и явление дефицита
1. Питание	В определенные периоды основные продукты питания рационировались (карточки). Хронические, напряженные дефициты, целые группы предметов потребления почти полностью отсутствуют. Некоторые пищевые продукты непосредственно распределяются между работниками государственных предприятий. Специальные, лучше обеспечиваемые магазины для привилегированных групп	Покупки за деньги в зависимости от ограничений, перераспределенных слева. Спорадические черные рынки	Весьма существенное улучшение предложения. Отмена всякого официального рационирования. Упразднение за некоторыми исключениями магазинов для привилегированных	Явления дефицита сохраняются, хотя они значительно менее напряженные: частичные дефициты по ряду доступных товаров, запоздалые доставки, недостаточное обеспечение некоторых районов и т. д. Специальные магазины, торгующие на конвертируемую валюту
2. Другие потребительские товары	Нет карточек. Хронические напряженные дефициты. Специальные магазины (как и для п. 1)	Как в п. 1	Огромное улучшение в предложении	Как в п. 1
3. Жилище	Городское жилище: многоквартирные дома национализированы. Государственные квартиры распределяются властями. Напряженные многолетние очереди на получение жилья. Частое принудительное разделение квартир, принудительные выселения и перемещения, осуществляемые в административном порядке. Субаренда резко ограничена. Узкие пределы, в которых дома и квартиры могут находиться в частной собственности	Городское жилище: некоторые незначительные возможности продажи или покупки частных домов или квартир в совладении. Разрешаются обмены государственных квартир между съемщиками на добровольной основе, однако для этого требуется официальное разрешение. Некоторый простор для субаренды. Сельское жилище: в основном частное; жилье может продаваться и покупаться в соответствии с ад-	Городское и сельское жилище: быстрое распространение частного жилья, большинство новых домов частные. Незначительная доля государственного жилья становится частным. Недозволенная, но допустимая с молчаливого согласия государства торговля жильем, снимаемым у него же. Широко распространенная субаренда, дающая существенный рентный доход жителям городов и курортов	Городское жилище: большая часть городского жилья все еще находится в государственной собственности; напряженный дефицит, очень долгие очереди, плохое приспособление структуры предложения к спросу. Городское и сельское жилище: жесткие пределы частного домовладения, или какими видами и количеством жилья может владеть индивид. Избыточный спрос на складные, устойчивые рациональные кредиты. Периодическая нехватка строительных материалов и мощностей для частного строительства

Таблица 2 (продолжение)

Товар или услуга	Максимальное государство, начало 50-х годов		Реформируемое государство, середина 80-х годов	
	Государственный контроль и ограничения, обусловленные дефицитом (в пике бюрократической централизации)	Сфера, остающаяся для индивидуального выбора	Личная свобода (в пике децентрализации)	Сохраняющиеся бюрократические ограничения и явление дефицита
4. Транспорт и связь	Все транспортные услуги предлагаются государственными предприятиями. Частные автомобили разрешены только для небольшого числа привилегированных. Административное распределение телефонных линий между домами. Крайне длинные очереди на телефоны	При условии ограничений, перечисленных слева, транспортные средства выбирают частными лицами. Не требуется особого разрешения для дальнего путешествия внутри страны (как и по некоторым социалистическим странам)	Быстрый рост числа частных, свободный рынок поддержанных автомобилей. Разрешается проведение телефонной линии вне очереди, если индивид приобретает телефонную облигацию	Хронический избыточный спрос на новые частные автомобили, продаваемые государственной компанией-монополистом, длинные списки желающих их получить. Привилегированные могут не стоять в очереди. Списки желающих получить телефон удлиняются, административное распределение продолжается
5. Медицинское обслуживание	Национальная служба здравоохранения; медицинская помощь бесплатна. Никакой свободы выбора — принудительное прикрепление к врачу и месту лечения (больнице и т. д.). Напряженная избыточная потребность в медицинских услугах, перегруженные больницы и кабинеты врачей, длинные списки нуждающихся в помощи. Частная врачебная практика за некоторыми исключениями запрещена. Специальные больницы для привилегированных	В некоторых случаях у индивида имеется возможность повлиять на прикрепление и выбор места лечения. Некоторые исключения из общего запрета частной врачебной практики	Странная система «двойственного распределения» в службе здравоохранения. Номинально она все еще бесплатна, однако многие пациенты дают «на чай» докторам («благодарственные деньги») в надежде на лучшее лечение — практика, которая является незаконной, но допускается и оказывает сильное влияние на выбор врача и места лечения. Очень распространилась частная практика	Формальное обязательное прикрепление к врачу и месту лечения все еще господствует. Свободный выбор не узаконен, и потому он связан с риском и неудобствами. Избыточная потребность в медицинском обслуживании сохраняется или даже увеличивается. Специальные больницы для привилегированных остаются
6. Забота о детях	Увеличивается число женщин, работающих по причине низких зарплаток и социальной стесненности. Казенная забота о детях:	Никакого административного препятствия матери оставаться дома с детьми	Распространение отпусков по материнству, сопровождаемых скромной финансовой помощью. Увеличивающаяся	Остается некоторая избыточная потребность в общественных дневных яслях и детских садах, сопровождаемая сохранением

Таблица 2 (продолжение)

Товар или услуга	Максимальное государство, начало 50-х годов		Реформируемое государство, середина 80-х годов	
	Государственный контроль и ограничения, обусловленные дефицитом (в пике бюрократической централизации)	Сфера, остающаяся для индивидуального выбора	Личная свобода (в пике децентрализации)	Сохраняющиеся бюрократические ограничения и явление дефицита
7. Отдых и путешествия по зарубежным странам	<p>общественные дневные ясли и детские сады. Избыточная потребность и административное распределение детских учреждений</p> <p>Путевки в общественные места проведения отпусков распределяются профсоюзными организациями. Путешествия за рубеж с целью семейных встреч и туризма разрешаются только для привилегированных. Обычно в организованных группах без семей. Почти никакого туризма по западным странам</p>	Отпуска могут проводиться в гостях у родственников или друзей	<p>доля матерей остается дома с детьми; это обеспечивается также возможностью неполный рабочий день или наличием работы на дому. Некоторые виды частной заботы о детях: частные детские сады, няни и т. д.</p> <p>Многие семьи имеют летние домики или шале. Доступно проведение отпусков на коммерческой основе (гостиницы, кемпинги, комнаты в частных домах). Очень большое число людей путешествуют в одиночку или с семьей по зарубежным странам Востока и Запада, с целью семейных встреч и туризма</p>	<p>административного распределения</p> <p>Сохраняется административное распределение во многие места проведения отпусков (профсоюзные дома отдыха на предприятиях), однако открылись и некоторые другие возможности. Для путешествия за рубежом требуется административное разрешение, включая согласие руководства по месту работы (за исключением путешествий по нескольким социалистическим странам). Периодичность частных туристических поездок ограничена (относительно покупки твердой валюты см. подраздел 4.4)</p>

щиеся ограничения, произошли огромные изменения, и после десятилетий суровой изоляции многие венгры, наконец, пользуются свободой изучать мир.

4.4. Семейные сбережения и инвестирование

В дореформенной системе решения о том, какую часть своих доходов тратить, а какую сберегать, оставались за семьями при условии некоторых ограничений.

Почти ежегодно выпускались низкодоходные правительственные «облигации», и граждане под давлением настойчивых политических кампаний были вынуждены покупать их. Такая практика на сегодняшний день

отменена. (Мы вернемся к проблеме других, более «коммерческих» облигаций).

Вынужденные сбережения возникают, когда потребительские товары и услуги, на которые есть спрос, не предлагаются в достаточном объеме, и поэтому доля дохода, предназначенная для потребления, не может быть израсходована. Ученые, изучающие потребительский рынок в социалистической экономике, спорят относительно пределов, в которых находятся сбережения, вызванные дефицитом, имея в виду трудности их измерения. В любом случае, где бы ни возникали вынужденные сбережения, они, очевидно, равнозначны ограничению личной свободы. В реформируемом государстве, несомненно, очень расширились возможности расходовать свои средства если не в основной, то во вторичной экономике. Поэтому сбережения, вызванные дефицитом, перестали быть тем распространенным явлением, каким они были ранее.

Раз уж принято решение о сбережениях, то встает вопрос о том, в какой форме их осуществлять. Перед реформой выбор был крайне невелик. Большая часть сбережений хранилась в виде денег или на сберегательных счетах в банке, по которым, как правило, выплачивался низкий номинальный (а во многих случаях нулевой или отрицательный реальный) процент. В наличии имелся лишь узко ограниченный набор реальных активов, сохраняющих ценность. Выше упоминались устойчивые ограничения на покупку недвижимости. Существовали также административные ограничения на хранение драгоценных металлов, а торговля предметами искусств была незначительной. Реформа расширила выбор. Банки предоставляют большой набор сберегательных счетов хотя реальная норма процента по ним остается низкой или даже отрицательной. Граждане могут заключить различные договоры по страхованию жизни, по вкладам и сбережениям по мере получения дохода, в дополнение к страхованию и пенсионному обеспечению со стороны государства. Компании, кооперативы и местные власти теперь выпускают облигации с внушительными доходами, подкрепляемые гарантиями со стороны государства, и они оказываются очень популярными. Возможности покупки недвижимости хотя еще очень ограничены, но все же расширились; развиваются рынки других ценных активов. Несмотря на эти достижения, сохраняются серьезные ограничения.

Частный бизнес ощущает огромную потребность во внешнем финансировании, а государственный банковский сектор прочно держит в руках кредит, который он будет выдавать. Многие индивиды с радостью бы ссудили частный бизнес. Другие готовы его инвестировать и стать пассивными компаньонами в частном предприятии*. Для таких видов частного финансирования и рынков капитала, конечно, необходимы соответствующие институты, правовые регуляторы, а также механизм, придающий силу узаконенным соглашениям. Однако они не существуют. Напротив, подобные соглашения являются незаконными. Тем не менее они в известной мере распространяются под видом личных ссуд и дружеской поддержки (которые не являются незаконными), и потому они основаны исключительно на личном доверии, что увеличивает степень риска и препятствует их дальнейшему распространению. Это тот случай, когда государство, которое в других отношениях проявляет себя, конечно же, в большей мере, чем минимальное, не выполняет некоторых функций, необходимых даже для минимального государства, функций, которые требуют защиты собственности и обеспечения выполнения частных соглашений.

Несколько раз уже обсуждалось предложение разрешить государственным предприятиям выпускать по крайней мере обычные акции, ко-

* В неоднократно цитируемом опросе общественного мнения в 1983 г. задавался следующий вопрос: «Предположим, что вы неожиданно унаследовали 100 тыс. фунтов (примерно 1,5-годовая средняя заработная плата). У вас две возможности: положить эти деньги на обычный сберегательный счет или стать соучастником в небольшом частном бизнесе. Второе связано с риском. Что вы выберете?». 48% выбрали первую и 47% вторую возможность [27].

торые бы на деле превратили их в смешанные компании, однако оно до сих пор не принято.

Венгерская валюта не конвертируема. Житель Венгрии не может свободно купить иностранную валюту, особенно неконвертируемую. Имеется несколько узких каналов для законного получения твердой валюты (например, разрешение совершить раз в три года скромное путешествие). В других случаях существуют и достаточно широкие незаконные рынки различных оттенков черного и серого «цвета», но деятельность на них связана с неудобствами и риском. Это представляет собой немалую проблему. Условием полноценной свободы является доступность иностранной валюты, так как она необходима для развития всех видов человеческих и культурных контактов с зарубежными странами.

На этом заканчивается наше короткое сравнение индивидуальной экономической свободы в Венгрии до и после реформы. В качестве резюме отметим, что данный обзор наглядно показывает то, о чем говорилось во введении. В то же время существующее положение дел не удовлетворяет тех, кто рассматривает свободу как основополагающую ценность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Rawls J. A Theory of Justice. Cambridge. 1971.
2. Bibó I. Kényszer, jog, szabadság (Coercion, law, freedom) // Válogatott tanulmányok (Selected Papers). Magvető, Budapest. 1986. V. 1. P. 7–147.
3. Antal L., Bohros L., Csillag I., Lengyel L., Matolcsy G. Fordulat és reform (Turn and Reform) // Közgazdasági Szemle. 1987. V. 34. P. 642–663.
4. Bihari M. Reform és demokracia (Reform and Democracy). Társadalomkutatás. 1986. P. 104–108.
5. Bruszt L. A több szölamu politikai rendszer felé (Toward the Polyphonic Political System). Valóság. 1986. V. 30. P. 87–95.
6. Fricz T. Az individualizáció esélyei (Chances of Individualism). // Valóság 30. 1987. V. 30. P. 77–86.
7. Gombár G. Egy állampolgár gondolatai (A Citizen's Thoughts). Kossuth, Budapest. 1984.
8. Hankiss E. The Black Box: Interaction and Conflict of Social Paradigm in Contemporary Societies. Mimeo, Budapest. 1986.
9. Kiss J. Vannak-e emberi jogaink? (Do we Have Human Rights?). Budapest. 1986.
10. Fehér A., Heller A., Márkus G. Dictatorship over Needs. Oxford. 1983.
11. Berlin I. Two Concepts of Liberty. Berlin I. Four Essays on Liberty. Oxford. 1969. P. 118–172.
12. Sen A. Well-being, Agency and Freedom: The Dewey Lectures 1984 // J. of Philosophy. 1985. V. 82. P. 169–221.
13. Kolm S.-C. Liberty-based Public Economics: its Foundations, Principle, Method, Application and Structural Results. Mimeo. Paris. 1987.
14. MacCallum G. G. Negative and Positive Freedom // Philos. Rev. 1967. № 76.
15. Oppenheim F. E. Dimensions of Freedom. New York. London. 1961.
16. Gordon S. Welfare, Justice and Freedom. New York. 1980.
17. Lindbeck A. Individual Freedom and Welfare State Policy // European Econ. Rev. 1988. V. 32. № 295.
18. Locke J. Two Treaties of Government. New York. 1967.
19. Nozick R. Anarchy, State and Utopia. New York. 1974.
20. Madách I. The Tragedy of Man. Sidney. 1953.
21. Horvat B. The Political Economy of Socialism. Sharpe Armonk. New York. 1982.
22. Kornai J. The Hungarian Reform Process: Visions, Hopes and Reality // J. of Econ. Literature. 1986. V. 24. P. 1687–1737.
23. Juhász P. Agrárpiac, kisüzem, nagyüzem (Agrarian Market, Small-Scale Enterprise, Large-Scale Enterprise) // Medvetánc. 1982. V. 2. P. 117–139.
24. Szelényi I., Manchin R. Interrupted Embourgeoisement. Mimeo. New York. 1987.
25. Gábor R. I., Horváth T. D. Bukás és visszavonulás a magánkisiparban (Failure and Retreat in the Private Small-Scale Industry) // Közgazdasági Szemle. 1987. V. 34. P. 404–419.
26. Sen A., Williams B. Introduction: Utilitarianism and Beyond // Utilitarianism and Beyond. Cambridge. 1982. P. 1–22.
27. Farkas K. I., Pataki J. Feljegyzés az 1980–86. évi gazdasági közvéleménykutatásokról (Memorandum on Economic Public Opinion Researches in 1980–86). Unpublished Manuscript Budapest. 1987.
28. Central Statistical Office. Statisztikai Évkönyv 1985 (Statistical Yearbook 1985). Budapest. 1986.

Поступила в редакцию
23 XI 1988

(Продолжение следует)